

З.Е. Серебрякова. Портрет А.В. Руманова. 1928.
Собрание Д.А. Руманова, Париж

РУМАНОВЫ: ОТЕЦ И СЫН

Интервью с Даниилом Аркадьевичем Румановым

До последнего времени фигура Аркадия Вениаминовича Руманова (1878-1960), известного в начале прошлого века журналиста, коллекционера и мецената, была скрыта в напластованиях русской истории. Приезд из Франции несколько лет назад его сына Даниила Аркадьевича вызвал неподдельный интерес общественности к семье Румановых. История эмиграции пополняется новыми именами. Современные российские исследователи посвятили А.В. Руманову ряд научных докладов на конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Пскове. В Одессе вышел сборник статей «Н.К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры» (2000), в нем опубликованы интересные материалы о деятельности Руманова-старшего. В 1999 году на пике интереса к нашему соотечественнику-эмигранту редакция журнала взяла интервью у Д.А. Руманова. Через два года первое интервью было дополнено новой беседой. Частично она вылилась в воспоминания о путешествиях молодого Даниила по Индии. Этот материал, названный «В поисках Учителя», также представлен в данном выпуске журнала. Д.А. Руманов в настоящий момент проживает в Париже. Он является автором книг, посвященных учению индийского монаха Свами Праджняпада. В беседах главного редактора журнала с Д.А. Румановым в разное время принимали участие сотрудница Русского музея Е.П. Яковлева и редактор нашего журнала Е.В. Алексеева.

— Сегодня Россия, наконец, возвращается к своим истокам, к культурному слою русской эмиграции. Даниил Аркадьевич, первый вопрос касается Ваших родителей. Кто они?

Мои родители — русские эмигранты. Они покинули Россию после революции 1917 года. Мать, Лидия Ефимовна Цинн, была в то время молодой девушкой, еще незамужней. Отец, Аркадий Вениаминович Руманов, уехал вместе со своей первой женой Евгенией Львовной, пианисткой. Отец родился в 1878-м. Он был журналистом, редактором петербургского отдела газеты «Русское Слово», считался правой рукой ее издателя И.Д. Сытина. Собирал картины, имел хорошую коллекцию, занимался меценатством.

Когда он покинул Россию, ему было уже 42 года. Деятельный, энергичный человек, он думал, что уезжает на короткое время. Как и многие, Аркадий Вениаминович считал, что революция не может долго продолжаться, так как в России без интеллигенции некому будет управлять страной, и все быстро вернется обратно.

Но никто не вернулся. Для отца началась жизнь на Западе. Сначала — в Лондоне, где он принимал участие в работе Комитета Освобождения России. Потом П.Б. Струве его послал в Париж установить связь с французской прессой.

Отец принимал участие в создании и работе журнала «Иллюстрированная Россия» и других периодических изданий, в том числе газеты «Синема»,

А.В. Руманов (слева) и И.Д. Сытин (справа). 1905

посвященной кино. Он вложил большие деньги в создание фильма Абея Ганса «Наполеон», но потерял их. Картина не имела коммерческого успеха, хотя по своим художественным достоинствам она вошла в историю кино.

Французское правительство предложило ему Орден Почетного легиона. Однако процесс оформления документов занимал два года. Отец был нетерпелив, поэтому предпочел другую награду — Орден Офицера народного просвещения. Его можно было получить в короткий срок. Внешне разница между орденами заключалась в том, что первый был красного цвета, а второй — фиолетовый.

Со своим фиолетовым орденом отец никогда не расставался, носил его на лацкане пиджака. Говорил, что во время любой манифестации полицейские, заметив значок, дважды подумают, прежде чем пустить в ход дубинку.

— Известно, что Аркадий Вениаминович был дружен с Великим князем Александром Михайловичем...

Да, еще с дореволюционных времен. В 1927 году они вместе ездили в Абиссинию, чтобы передать императору Негусу «Ключи от Гроба Господня». Это была грамота, которая по традиции хранилась у российского императора, а после революции каким-то образом оказалась у Александра Михайловича — близкого родственника Николая II. Понятно, что они рассчитывали на вознаграждение: оба испытывали финансовые трудности. Каково же было их разочарование, когда во двор отеля, в котором они остановились, вошло множество ослов, нагруженных тяжеленными мешками с солью! Выяснилось, что в Абиссинии соль стоит очень дорого, а Негус хотел действительно отблагодарить за подарок «по-царски».

В конце 1920-х годов они отправились в Америку. Организацией поездки занимался отец. Александр Михайлович выступал с лекциями, рассказывал о том, как он жил, «когда был Великим Князем», а отец записывал эти рассказы. Кроме

того, он и сам читал лекции о современной французской культуре и о политическом состоянии Европы. Их принимали губернаторы разных штатов, президенты университетов. Лекции хорошо оплачивались. Заработанных денег им хватало вплоть до начала войны. Записанные отцом выступления Александра Михайловича впоследствии составили книгу воспоминаний Великого Князя. В 1932 году, несмотря на экономический кризис, книгу удалось издать в Америке. Она представляет большой исторический интерес. Я не знаю, переиздавалась ли эта книга в России*.

— А что было дальше?

С началом второй мировой войны в жизни отца наступил самый тяжелый период. В октябре 1939 года умерла его первая жена — Евгения Львовна. Перед этим, в середине 1930-х, покончил жизнь самоубийством младший брат. Аркадий Вениаминович мучительно переживал утраты. В период оккупации Парижа отец, как еврей, вынужден был скрываться: каждую ночь он менял квартиры, ночуя у своих многочисленных друзей. Его сестру вместе с мужем арестовали и отправили в концлагерь, откуда они не вернулись. Квартира сестры, где он жил после смерти жены, была разграблена. Второй раз в своей жизни отец лишился архива, библиотеки, картин...

— Во Франции Аркадий Вениаминович собрал новую коллекцию картин?

Как мне кажется, специально он ничего не собирал — картины и книги «приходили» к нему сами. Отец ведь был связан со многими писателями, поэтами, художниками, с самыми выдающимися людьми русской интеллигенции.

— Занимался ли Ваш отец журналистикой в годы войны?

* Великий князь Александр Михайлович; Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991.

А.В. Руманов (слева) и Великий князь Александр Михайлович. Конец 1920-х — начало 1930-х годов

Да, занимался, но только с 1944 года. Переломным моментом для него и для всех нас стал разгром немецкой армии под Сталинградом. Отец буквально воспрянул духом, когда узнал об этом событии. Как и другие эмигранты, он гордился русскими, считал, что они не только остановили Гитлера, но спасли мир от фашизма. Он начал работать секретарем редакции газеты «Русский патриот», которая предназначалась для советских военнопленных, бежавших из концлагерей и воевавших во французском Сопротивлении. В марте 1945 года газету переименовали в «Советский патриот». Ее редактором был Дмитрий Одинец.

— Это именно тот профессор-историк Одинец, который сотрудничал с Кондаковским институтом в Праге?

Да, известный историк Дмитрий Михайлович Одинец. Как и отец, он был выпускником Петербургского университета. В 1947 году, когда началась «холодная война», французские власти закрыли газету. Профессор Одинец был выслан в Советский Союз. В редакции работало несколько человек, в основном немолодые люди. После Сталинграда всё, что было связано с Советским Союзом, казалось могущественным, поэтому, чтобы закрыть газету, правительство распорядилось направить туда танки и человек 300 военных. Почти всех сотрудников газеты выслали. К тому времени появился указ Сталина, который давал возможность русским эмигрантам получить советское гражданство и вернуться в Советский Союз. Отец мечтал о России, скучал по ней. Поэтому он согласился получить советский паспорт, но одновременно сохранил и нансеновский. Прежде всего, отец желал вернуться из-за меня, хотел, чтобы у меня было русское воспитание, иначе, считал он, если подождать еще немного, мне не удастся приспособиться к жизни в России.

— *Сколько же Вам тогда было лет?*

Лет одиннадцать. Многие русские эмигранты вернулись тогда в Россию. Однако, как оказалось, никто из них не попал ни в Москву, ни в Ленинград. В основном обосновывались в Средней Азии, на Урале и в Сибири. Через год-два мы узнали, что кто-то пропал из виду, кто-то по неизвестным причинам скончался. Может, не могли приспособиться, может, погибли от голода и холода... Во Франции тогда трудно было знать, что именно происходит в Советском Союзе. Коммунистическая партия была очень сильна, и сведения о том, что происходит, на запад не доходили. Если что-то появлялось в американских газетах, это считалось антисоветской пропагандой. Так продолжалось вплоть до 1953 года, года смерти Сталина. Правда, шоком для всех стали откровения

Виктора Кравченко — одного из первых советских «невозвращенцев». В своей книге «Я выбрал свободу» он на конкретных примерах показал подлинную жизнь в СССР: жестокость режима, концлагеря, страдания крестьянства... Мало кто в это поверил ему, но спустя годы подтвердилось: Кравченко говорил правду. В течение нескольких месяцев в 1949 года в Париже шел так называемый процесс Кравченко*. Газеты постоянно печатали репортажи из зала суда.

— *Вы ничего не знали о репрессиях. Почему же Вы всё-таки не вернулись?*

Моя мать категорически отказалась возвращаться в Россию. Кроме всего прочего, она была влюблена в Париж. Отец же сомневался. В тот период он дружил с советским послом во Франции Александром Богомоловым. Надо сказать, отец умел дружить с людьми...

Представьте себе, даже с Дзержинским, который еще в Петрограде допрашивал его, отец сумел установить хорошие отношения.

Так вот, отец пошел к Богомолову и спросил его, куда лучше ехать — в Палестину или обратно в Советский Союз? Тот многозначительно посмотрел и еле слышно ответил: «Скорее, в Палестину». В результате отец принял решение остаться в Париже. Материальное положение нашей семьи в то время было очень тяжелым. Денег отец не зарабатывал, пенсии не имел. Жили посылками, которые получали от родственников и друзей и от Литературного фонда из Америки. Кроме того, примерно раз в месяц отец навещал кого-нибудь из своих старых богатых друзей. Он ни о чем не просил их, но когда он уходил, какие-то деньги они совали ему в карман.

— *В это время Аркадий Вениаминович продолжал заниматься литературной или журналистской работой?*

* Берберова Н. Последние и первые. Дело Кравченко. М., 2000.

Даниил Руманов. Санкт-Петербург, 1999

Нет. После ликвидации «Советского патриота» журналистикой отец больше не занимался. Летом 1949 года он был арестован французскими властями. Подозревали, что Аркадий Вениаминович — советский агент высокого уровня, поскольку многолетние наблюдения за ним и его встречами не дали никакого результата. Допрос длился неделю. Отцу удалось оправдаться, он даже подружился со своим следователем. Его отпустили. После этого он резко постарел и окончательно утратил интерес к политике. Однако по-прежнему продолжал общаться с поэтами, писателями, философами, художниками. Они постоянно приходили к нам, часто обращались к отцу за советом, за помощью.

Сразу после окончания Второй мировой войны наш дом стал своеобразным центром интеллектуальной жизни русских эмигрантов в Париже. Каждое

воскресенье собиралось около сорока человек.

— В Вашей квартире?

Да, в нашей квартире на улице Вожирар. Это было похоже на литературный салон. Вместе с тем, конец 1940-х годов для всех был тяжелым периодом. Приходившие поэты были, как правило, голодными. Родители, как могли, делились с ними продуктами из американских посылок. Я ни в коем случае не хотел вести такой образ жизни, как те поэты, которые посещали наш дом. Я хотел иметь такую профессию, которая позволяла бы мне зарабатывать на жизнь в любой стране, ибо постоянно думал о возможности революции во Франции. Мне казалось, что, став инженером, я смог бы зарабатывать в любой стране мира. Я решил стать химиком и записался на курсы.

— Значит, Вы стали инженером?

Нет, не стал. Записаться-то я записался, и даже год проучился, но скоро понял, что это не мое призвание. Но этот год занятий помог мне пройти по конкурсу в престижное Высшее Коммерческое училище.

— С кем из крупных писателей русской эмиграции был знаком Ваш отец?

В основном это были его знакомые еще по России или по предвоенному времени — Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Иван Бунин, Надежда Тэффи, Алексей Ремизов, Борис Пантелеймонов, философы Николай Бердяев, Лев Шестов, Иван Ильин, Николай Валентинов... После войны это были, главным образом, поэты и писатели. Георгий Адамович, Георгий Иванов, Ирина Одоевцева, Сергей Маковский, Юрий Софиев, Ирина Кнорринг, Антонин Ладинский, Николай Татищев, братья Оцупы — Николай и Георгий (псевдоним — Раевский). Бывали и художники — Александр Бенуа, Дмитрий Бушен, Юрий Анненков, Сергей Шаршун, Бенн...

— А какие отношения связывали Аркадия Вениаминовича с Николаем Константиновичем Рерихом? Я имею в виду период эмиграции, начиная с 1920-х годов.

Они встречались в разные годы. В Лондоне в 1919-20 годах, потом — в Париже, а в конце 20-х, когда отец был в Америке, встречались в Нью-Йорке. Дружили же еще с России. До революции в коллекцию отца входило 22 работы Николая Константиновича, а сейчас в моем доме в Париже хранятся только два его гималайских пейзажа. Когда они появились у отца, я не знаю.

— Переписывались ли Николай Рерих и Ваш отец в годы эмиграции?

Переписывались, но у нас сохранилось всего два письма — 1939 и 1940

годов. Эти письма Рерих написал, когда узнал о смерти Евгении Львовны, первой жены отца. Я передал их Елене Яковлевой, сотруднице Русского музея в Петербурге, для публикации. Она готовит книгу «Аркадий Руманов и его окружение».

— Даниил Аркадьевич, Вы говорили, что Ваш отец после революции подвергся аресту ВЧК...

Отца арестовали вскоре после октябрьского переворота. Он жил тогда в Петрограде на Большой Морской улице. Ночью его отвезли на Гороховую и посадили в подвал ВЧК. Время от времени туда спускался надсмотрщик и фонарем освещал «сидящих». Увидев отца, он вдруг вскрикнул: «Аркадий Вениаминович! Как Вы здесь оказались?» Отец узнал в нем бывшего сотрудника газеты «Русское слово», в которой сам более десяти лет работал заведующим петербургским отделением. Однажды, еще до революции, этот человек взял деньги из кассы, и его поймали. Отец спросил тогда, зачем он это сделал? Тот ответил, что его заставила тяжелая ситуация в семье — большая жена, дети и полное безденежье. Отец вошел в его положение, дал ему денег, но попросил его подать в отставку, уволиться из газеты, пообещав при этом не доносить в полицию.

— А как Аркадию Вениаминовичу удалось освободиться?

Представьте себе, этот человек оказался помощником Дзержинского. Он повел отца к Дзержинскому, представил, и тот стал его допрашивать. Оказалось, что в редакции прослушивались телефонные разговоры, а в одном из них речь шла о последних событиях на фронте и переправляемых ящиках с оружием. Это была информация для газеты, но ее приняли за контрреволюционную деятельность. Отцу удалось убедить в этом Дзержинского, и постепенно доп-

рос сменился беседой. Оказалось, что у них есть общая знакомая — дальняя родственница отца и подруга Дзержинского Елена Стенсил. Отец говорил мне, что у этой женщины в 1920-х родился сын Феликс. Может, он был сыном Дзержинского? Или она назвала его в память о Дзержинском, я не знаю. В тот раз отца отпустили, но аресты повторялись вновь и вновь. Обвиняли по аналогичным мотивам, допрашивали и снова отпускали. После седьмого ареста отец собрал чемоданы и уехал в Финляндию.

— *Был ли Аркадий Вениаминович романтиком, или идеалистом, верящим в идею?*

С девятилетнего возраста я помню, как отец каждый вечер садился на мою кровать перед сном, и мы беседовали. Я задавал вопросы, он отвечал. Наш первый разговор начался с вопроса, что такое совесть. Он объяснил, а я вдруг воскликнул: «У меня уже была совесть!» Этот ответ ему безумно понравился, и впоследствии он всем рассказывал, что вот, мол, сын сказал, что у него «была совесть». Он рассказывал это, потому что ему показалось важным, как у ребенка проявляется духовное начало. Мы говорили о романтизме, о стремлении к добру, о том, как улучшить общество...

— *Было ли это влиянием, в какой-то мере, Николая Рериха? Известно, Аркадий Вениаминович получил от Рериха особый знак — плат лилового шелка. На нем было изображение Чаши. Если Ваш отец получил этот знак, значит, он следовал Учению Живой Этики. Говорил ли отец с Вами об этом?*

Вы осведомлены о таких исторических фактах, о которых я ничего не знаю. Но меня это очень интересует.

Отец, безусловно, был духовно настроенным человеком. Особенно в последние годы жизни. Меня всегда поражала его особая религиозность. Каждое утро он молился, но это была его соб-

ственная молитва. Молился на еврейском языке. Он немного знал его, по крайней мере, молитвы. В них отец призывал благословение ушедших близких, любивших его и любимых им. Он как бы входил в контакт с умершими, обмениваясь благословениями. Высказывая свое благословение и любовь, он одновременно просил благословения у них — для своих близких и, в первую очередь, мне, его сыну. Была у него еще одна особая молитва: «Если должно случиться что-то плохое с сыном, пусть это произойдет со мной». Как будто можно взять на себя то, что судьбой предназначено другому.

— *Видимо, Ваш отец был хорошо знаком с понятием кармы?*

Слово «карма» отец никогда не употреблял. Не думаю, что тут было влияние Востока, он сам пришел к этому пониманию. Хотя трудно сказать. Известно, что в Англии отец встречался с Рабиндранатом Тагором, который произвел на него сильное впечатление своими рассказами об Индии. Возможно, их познакомил Рерих. Знание же Востока, моему, у отца было поверхностным. Однако с Востоком его сближало собственное ему внутреннее ощущение и интуитивное познание. Когда я путешествовал по Индии и описывал свои встречи со святыми и мудрецами, это всегда находило в нем отклик. Я уже говорил о молитвах на еврейском языке, но не сказал, что отцу было близко также и Евангелие. По существу, кто он — иудей или христианин — трудно определить. Его религия была какой-то особенной. Например, просить благословения мертвых похоже на китайский ритуал. Китайцы как бы проводят линию, проходящую от деда через сына к внуку. Внук должен следовать по этой линии: его поступки, деятельность, этика не должны отходить от этой линии. Таким образом он остается верным своему роду и находит свой путь в жизни. Эта

А.В. Руманов и Л.Е. Руманова с сыном Даниилом. 1946

традиция поверхностно описывается как «поклонение предкам», но имеет гораздо более глубокое значение.

— А как сформировалось Ваше личное отношение к религии?

Во время войны, еще ребенком, меня прятали в католическом интернате, поэтому и воспитывался я как католик. После войны, когда нашей семье негде было жить, родители определили меня в православный интернат Святого Георгия в Париже. Потом отец решил устроить для меня еврейский религиозный обряд Бар Митцва. Я первый раз в жизни очутился в синагоге. Тогда я решил, что никакого бога нет. Стал атеистом. В 15 лет с увлечением начал читать книги по философии, хотел узнать, существует бог или нет. После размышления решил, что на этот вопрос невозможно ответить, и стал агностиком. Когда мне было 20 лет, заинтересовался Талмудом,

посещал курсы на французском языке. Но для углубления требовалось следовать ритуалам и отделиться от общества. Это меня не устраивало, и я стал искать другой путь.

— Как Вы пришли к Востоку? Откуда этот интерес? Такая метаморфоза — начинали как католик, потом стали православным...

Можно сказать, в молодости я был лево настроенным. Считал, как и все молодые люди, что общественный строй неудовлетворителен, продолжать так жить дальше нельзя, всё надо изменить. И тут я услышал об израильских киббуцах, в которых люди живут общиной, совместно принимают решения, личных денег не имеют, к деньгам даже не прикасаются. Всё это меня очень заинтересовало. Я как раз заканчивал Высшее Коммерческое Училище, и мне следовало пройти практику. Я записался на

практику в Израиль. Поехал туда в 1957 году. Мне уже исполнился 21 год. Неделю пробыл в одном киббуце, потом ездил в другие. И вдруг стало ясно: да, действительно, они живут без денег, и даже нашли решение некоторых социальных вопросов. Но при этом у них возникли новые проблемы, которых не существовало в нашем обществе. Это оказалось для меня полной неожиданностью. Например, киббуцники работают в поле, убирают помидоры. После работы, вечером, собираются на совет, чтобы решить, на что потратить средства: построить ли новое помещение для кур, купить ли новый трактор или выделить деньги для поступления в университет детям, окончившим школу. На таком совете присутствуют и умные люди, понимающие, что и как нужно делать, и, конечно, болтуны, которые своими бесконечными бессмысленными рассуждениями не дают умным принять нужное решение. Проходит час, два, заседание продолжается... Каждый человек после работы обязан принимать участие в деятельности одного из таких комитетов. Такое устройство жизни мне показалось еще хуже, чем то, которое я хотел исправить. Когда я это понял, то сразу расстался с социалистическими идеалами. Произошел перелом. Я увидел, что не общество нужно менять, а человека, то есть самого себя.

Потом я встретился с арабами, которые жили своей традиционной жизнью. Мне понравился их образ жизни, дома, в которых они жили, узкие улицы, тень, летняя прохлада. Всё приспособлено к человеку, к климату. В то же время там было грязно, плохо пахло, отсутствовали удобства. Израильтяне же строили современные бетонные дома, квадратные, некрасивые. В них были все удобства, но не было жизни. И я не знал, что лучше, традиции прошлого или материалистическое, технологическое будущее. В каждом направлении находил вместе хорошее и плохое. Возможно ли

избавиться от этой двойственности? Ответа не было.

Во Францию я возвращался кружным путем. Из Израиля поплыл пароходом на юг Турции, до маленького городка Искендерон, а дальше до Стамбула на поезде. Случайно там встретил школьного товарища, который направлялся в Индию. Это меня поразило. От Стамбула пять тысяч километров до Нью-Дели и столько же до Парижа, как раз середина пути «Париж—Индия». Я вернулся из Стамбула автостопом через Грецию, Югославию, Италию. Это мне показалось сравнительно легко. Если мне удалось добраться таким образом из Стамбула в Париж, то, вероятно, так же можно доехать и из Стамбула в Дели! Расстояние одинаковое!

Когда вернулся в Париж, меня охватила полная депрессия. Где же выход из двойственности? Ответ я никак не мог найти. Пропал интерес ко всему. Не хотелось никуда идти, не было воли что-либо делать, проявлять какую-то инициативу. Как-то, когда я сидел в кафе, ко мне подошел один товарищ и предложил заниматься йогой. «Хочешь пойти со мной?» — «Что такое йога? Что за глупости? Неужели ты веришь в бога? Это всё чепуха», — отвечал я. Он продолжал: «Дело не в том — верить или не верить, ты просто будешь делать упражнения, а потом увидишь, что получится». Я согласился, и мы пошли. В то время в Париже было только два курса йоги. Теперь их, наверное, сотни... К моему большому удивлению, упражнения йоги оказали на меня огромное влияние: все интеллектуальные предрассудки, как стены, зашатались и рухнули. Это было как озарение. Всё прошлое, старое падало, рушилось само собой. Я увидел вещи совсем в другом свете. Долгое время мне казалось, что каждый, кто занимается йогой, будет иметь те же самые результаты, но это, конечно, не так. Почему это произошло со мной, я до сих пор не могу понять.

Наш учитель йоги никогда не был в Индии. Он проповедовал странные вещи, занимался магнетизмом, лечил людей. Что-то во всем этом казалось мне неправильным. Я же хотел пойти к источнику йоги, найти подлинного учителя. После шести месяцев занятий я решил отправиться в Индию автостопом через Стамбул. В это время шла война с Алжиром, через Ирак проехать было невозможно, французы туда не имели допуска. Я выбрал путь в Индию через Иран, Афганистан, Пакистан.

— *Какое впечатление у Вас было от первой встречи с Индией?*

Ошеломляющее! Есть люди, которые любят пустыню. Они считают, что в пустыне Бог как-то ближе. Но когда я перешел Хайбер Пас на границе Афганистана и Пакистана и увидел эту землю, деревья, траву, коров, то почувствовал такую огромную радость, как будто обрел собственную страну! Было ощущение, что я у себя дома! И это продолжалось на протяжении всего пребывания в Индии. До сих пор я чувствую себя там как дома. Это моя страна, я бы сказал, моя родина. Мне говорят: «Россия — Ваша родина». Это так, Россия тоже родина, она близка сердцу, но в Индии я у себя дома, там мне всё легко.

После нескольких месяцев пребывания в Индии я решил поехать на Цейлон, познакомиться с буддизмом. Однако, как только я покинул Индию, возникло ощущение, что вышел из какого-то святого круга, который окружает Индию. Как будто вне Индии я нахожусь не в соборе, а за его пределами. На Цейлоне побывал в разных буддийских центрах, встречался с учителями, но постоянно, сравнивая эту страну с Индией, отмечал огромную разницу! Атмосфера Цейлона вполне западная. Духовности никакой там не нашел. Буддизм в полном упадке. Как только вернулся обратно в Индию, вновь ощутил себя дома.

До сих пор не понимаю, что именно создает такое ощущение в Индии. В этой стране есть что-то необъяснимое. На каждом шагу происходят поразительные, можно сказать, чудоподобные встречи. На улице люди останавливают, спрашивают — кто ты такой, кто твой отец, мать, чем занимаешься, есть ли у тебя сестры, дети, что ты тут делаешь, что ищешь...

Я говорил: «Ищу учителя йоги... Знаете ли вы такого?» И мне отвечали: «Нет, не знаем, мы этим не интересуемся, но у нас есть друг, который увлекается йогой, можем, если желаете, вас с ним познакомить».

В туристском справочнике я прочитал о празднике Кришны в Бриндаване и поехал туда. Но в этом городе во все храмы иностранцам был вход воспрещен. Перед воротами одного из храмов я увидел автомобиль с французским номером. Его владелец, молодой парень, приехал с братом из Франции. Мы разговорились. Они мне показались обыкновенными туристами, и разговор скоро закончился. Потом его брат уехал во Францию, а мы с ним снова «случайно» встречались в разных ашрамах и подружились. Мы оба восхищались одними и теми же мудрецами.

— *Как зовут Вашего французского друга?*

Его зовут Арно Дежарден. Он сделал для французского телевидения много фильмов о различных индийских священных и мудрецах, о тибетских ламах, об афганских суфиях и, позже, о японском учителе дзен. Когда я вернулся в Париж, он спросил меня, кого еще я встречал в Индии помимо тех, кого мы встречали вместе? Я рассказал ему о своем Учителе Свами Праджнянаде. Тогда он послал в его ашрам несколько человек. Они пришли от Учителя в полное восхищение. После этого Арно Дежарден поехал к нему сам, и таким образом мой Учитель стал и его Учителем. После ухо-

Н.К.Рерих. Гималаи. 1930-е. Собрание Д.А.Руманова

да Учителя Дежарден написал несколько десятков книг, открыл на юге Франции Центр, который пользуется большим успехом, сейчас там более 1500 членов.

С Арно Дежарденом я и встретился в Бриндаване у ворот храма.

— А что было дальше, после Бриндавана?

Я вернулся в Дели. До поездки в Индию я никаких книг об этой стране не читал и ничего не знал об индийской духовности. И это каким-то образом меня спасло. Пришлось пройти через личный опыт и всё испытать, что и как. До приезда я слышал только про ашрам Шивананды, который назывался Йога-Веданта-Форест-Академи-Ашрам, Лесная академия йоги Шивананды. Мне очень понравилось это название: в него входили два слова — йога и лес. Сразу представил себе монастырь в лесу...

Так вот, в Дели, на вокзале, в шесть часов утра с рюкзаком за плечами я ждал поезда, чтобы отправиться в Ришикеш. Кроме меня там находился еще один человек — офицер индийской армии. Мы разговорились. Оказалось, он как раз возвращался из Ришикеша. И там он видел Свами Шивананду, про которого сказал: «He is a God realized man», то есть, «человек, познавший Бога».

Я впервые услышал тогда: «Познавший Бога...» Как будто Бог находится в человеке, и человек может познать Его. Мне представлялся Бог как некое существо, которое, может быть, существует, а может быть, и нет. Но первый раз я слышал, что Бог может находиться в самом человеке и что возможно осознать его присутствие. Слова офицера произвели на меня потрясающее впечатление. Разговор продолжался. Он сказал, что все свои деньги оставил

Шивананде. Не осталось даже на билет до Бангалора, куда ему надо вернуться. Я спросил, сколько стоит билет. У меня у самого денег было мало, из-за этого приходилось ночевать на вокзалах или, когда возможно, как это было в Дхарамсале, в приюте для странников. Меня предупреждали, что в Индии много мошенников и жуликов среди так называемых странников, а этот человек говорит, что у него нет денег на билет. Правда это или неправда? Что мне делать? Я решил поверить и дать ему деньги. Он очень обрадовался и сказал, что это Шивананда посылает ему помощь. Записал свой адрес в Бангалоре и пригласил навеситить его. Я это сделал несколько месяцев спустя, и хотя он был уже не в том настроении, в котором я его встретил на вокзале в Дели, все же деньги за билет он мне вернул.

У Шивананды я снова встретил Арно Дежардена. В ашраме был курс йоги. Я оказался одним из самых лучших учеников, так как уже тренировался в Париже. Йогу преподавал индус атлетического телосложения по имени Йогананда. Сначала мне казалось, что его физическая форма связана с занятиями йогой, но потом узнал, что он тренировался с гириями, поэтому и имел такую мускулатуру. Преподавал он хорошо. Его пригласили провести курс йоги в местном техническом университете, и поскольку я был среди его лучших учеников, он попросил меня поехать с ним в качестве помощника. Индийские студенты были поражены тем, что с ними занимается европеец. Надо сказать, с европейцами в их сознании связано прежде всего представление о технике, о современном западном мире и так далее, а тут вдруг европеец интересуется йогой. Когда закончилась тренировка, я с удивлением увидел, что около двери в мое жилище образовалась очередь человек в пятьдесят. Люди выстроились, чтобы поговорить со мной, задать вопросы о жизни. В основном это были простые

вопросы, на которые я отвечал, как мог. Я понял, что в Индии можно легко стать учителем, или гуру. Но я же сам приехал туда учиться, а не преподавать!

При встрече со Свами Шиванандой самым главным вопросом для меня было — как удостовериться, что это человек, познавший Бога? Я смотрел, наблюдал, беседовал с ним наедине. «Как познать Бога?» — спросил я его. — «Вы должны медитировать», — ответил он. — «На что медитировать?» — «Медитируйте на Бога». — «На какого Бога?» — «А какая у вас религия?» — мне трудно было ответить. Религии нет. — «Я еврей». — «А как называется Бог евреев? Иегова? Так медитируйте на Иегову». — «Но Иегова для меня никакого значения не имеет». — «Тогда медитируйте на мир, на любовь, на спокойствие»... Видимо, это ему было безразлично. Так я и остался в недоумении, познал ли он Бога или нет? Как узнать?

Свами Шивананда был уже очень пожилым человеком, ему было трудно ходить. Он вел себя как клоун. Когда ему, как всякому индусскому свами, приносили фрукты и разные сласти, он брал эти сласти, подкидывал вверх и ловил ртом, как клоун. А у него был диабет. Его последователи говорили: «Видите, какой замечательный человек: у него диабет, а он в ущерб своему здоровью ест эти сласти, чтобы не обидеть тех, кто их принес». Другие возражали: «Посмотрите, у него диабет, а он ест сласти и не может остановиться!»

В этом ашраме была довольно скверная пища. Например, посетителей кормили рисом, в котором находилось много камешков. Посещая разные ашрамы по всей стране, я заметил, по опыту, что там, где подают хорошую пищу, там и хороший духовный учитель. Самому же Свами Шивананде подавали особую еду: овощи, выращенные на собственном огороде и приготовленные его собственным поваром. Почитатели Шивананды считали, что у него такой утончен-

ный организм, что повседневную обычную пищу он не может переносить. Другие возмущались, что, вот мол, людей кормит рисом с камешками, а сам...

Я находился в смущении и не знал, что и думать.

Таковы были мои первые встречи с Индией.

— А как Вы нашли своего Учителя?

После Шивананды я поехал в Гималаи, в Альмору, чтобы встретиться с англичанином — поклонником Кришны. Три раза в день он совершал пуджу Кришне. Этот человек до войны был профессором английской литературы в Бенаресе, там познакомился с женой одного своего коллеги, и она стала его гуру. Его индусское имя Кришна Прем, то есть «любящий Кришну». Я прочитал о нем в газете. Там писали: «Если хотите провести полчаса в интересной беседе, посетите ашрам Кришна Према в Альморе». Я поехал туда. Это место находится высоко в горах. Из Альморе нужно было долго ехать на автобусе, потом подниматься пешком по крутым склонам... Принял он меня с большим подозрением. Дело в том, что после газетной публикации к нему хлынуло множество туристов. Но убедившись, что я пришел не из любопытства, он открылся, мы проговорили с ним целую ночь. Я задавал разные вопросы, он отвечал. Оказалось, что им написаны две интересные книги: «Йога Бхагавадгиты» и «Йога Хатха Упанишады». Сейчас они уже изданы. Эта беседа мне многое разъяснила. Его указания и объяснения

остались яркими лучами света в моих исканиях.

— Кришна Прем имел собственный ашрам?

Да. Кроме того, он был единственным европейцем, которому дали разрешение входить в храмы Бриндавана. Вообще иностранцам вход в храмы там воспрещен.

Ашрам Кришна Према располагался на расстоянии 50, может быть, 100 верст от Альморе. Он жил там со своим учеником и помощником, тоже англичанином, которого звали Ашиш. Я им обоим очень благодарен. Они мне многое открыли. Я далек от ритуалов, но пуджа, которую совершали Кришна Прем и Ашиш, производила очень сильное впечатление.

Следующие три дня я провел в Альморе, в ашраме Ананда Мои Ма. У нее имелись обители во многих селениях Индии. Французский доктор, который на протяжении десятилетия был ее поклонником, а теперь заведовал этим ашрамом, принял меня и сказал, что три дня я могу у них пожить. По индийским правилам странник не должен оставаться в ашраме больше трех дней. Тогда я решил поехать в Бенарес, где в это время находилась Ананда Мои Ма.

Всё это я рассказываю, чтобы ответить на Ваш вопрос, потому что именно через встречу с Ананда Мои я встретился со своим Учителем.

Санкт-Петербург,
1999, 2001